

48

Д. Х

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

23

Веб-публикация: Vive Liberta, 2014

4

1950

СОДЕРЖАНИЕ

О задачах изучения истории сталинской внешней политики Советского Союза	3
СТАТЬИ	
Костомаров Г.—Владимир Ильич Ленин и московская организация большевиков	12
Пигуловская Н.—К вопросу о разложении рабовладельческой формации из Ближнем Востоке	44
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ	
Мавродин В.—Основные этапы этнического развития русского народа	55
СООБЩЕНИЯ	
Бондаревский Г.—Национально-освободительная борьба народов Малайи после второй мировой войны	71
Айнберг-Загряцкова С.—«Красная афиша» К предистории Парижской Коммуны	88
Башарин Г.—Общественный строй якутов начала XVII века	91
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОВЗОРЫ	
Селезнёв К.—Освещение вопросов истории Австрии теоретическим органом коммунистической партии Австрии	103
Лапин Н.—Американские фальсификаторы военной истории США	117
РЕЦЕНЗИИ	
История СССР	
Черепнин Л.—Проф. С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства	132
Якубовский А.—И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX века	137
Мухамедьяров Ш.—Материалы по истории Татарии, вып. 1.	143
Вяликов В.—Украинский народ в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов	146
Всебо́ща́я исто́рия	
Драбкина С.—Клара Цеткин. Жизнь и учение революционерки	148
ХРОНИКА	
Маслина М.—Сессия Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), посвящённая семидесятилетию со дня рождения И. В. Сталина	153
Смирнов А.—Сессия по истории чувашского народа	154
Волков С.—В Институте истории Академии наук СССР. Обсуждение макета курса истории Молдавии	156
ЗА РУБЕЖОМ	
Спиру В.—Конференция историков Румынской народной республики	158

ИСПРАВЛЕНИЕ

В № 3, на стр. 72, 14 строка снизу, следует читать: «завершение процесса становления феодального способа производства на Руси».

Редакционная коллегия:

П. Н. Третьяков (главный редактор), И. М. Волков,
Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, М. Д. Каммари, А. И. Ко-
валевский, С. Ф. Найда, А. Д. Никонов, Б. К. Рубцов,
А. Л. Сидоров, А. Д. Удальцов.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 647.

Тел. Д 3-31-04

А—04334. Изд. № 406.

Заказ № 944.

Тираж 33 500 экз.

Подписано к печати 31/V 1950 г.

10 печ. л.

68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина Москва, ул. «Правды», 24.

Нина Викторовна Пигуловская

К ВОПРОСУ О РАЗЛОЖЕНИИ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Анализируя типы общественных отношений, И. В. Сталин указывает на то, что «переход от старых производственных отношений к новым» совершается путём «революционного свержения старых производственных отношений и утверждения новых»¹. Такого рода активный революционный переход характерен не только для периода более развитых форм производственных отношений, но и для периода перехода от рабовладельческой системы эксплоатации к феодальной.

В истории Ближнего Востока IV—VII века н. э. являются переломным периодом, в течение которого произошёл ряд изменений, характерных для смены одной общественной формации другой. Кризис рабовладельческой системы эксплоатации в восточных областях империи был вскрыт и оценён во всей своей значимости лишь советской историографией, которая путём критического пересмотра материала, его детального анализа и переосмысливания дала новую оценку жестокой классовой схватке и борьбе порабощённых и угнетённых масс в этот период.

Для решения вопроса о разложении рабовладельческой формации и о возникновении феодальных отношений решающее значение имеет указание И. В. Сталина на то, что переход от одних производственных отношений к другим происходит революционным путём. При изучении кризиса империи это указание имеет исключительное значение, равно как и характеристика, данная И. В. Сталиным роли рабов в ликвидации рабовладельческой формации. «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплоатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплоатации трудящихся. Одни эксплоататоры сменились другими эксплоататорами»². Этими словами И. В. Сталин указывает на значение активных действий масс, на роль самих эксплуатируемых в свержении старых производственных отношений. «Революция рабов» — фактор исключительной значимости в истории обществ, которые переживали переход от античного способа производства к средневековому.

Разложение рабовладельческой системы и смена её общественными отношениями нового, феодального типа на западе Римской империи носили бурный характер. Достаточно вспомнить восстание рабов, возглавленное Спартаком, или движение багаудов. «Революция рабов», рабские восстания, интенсивные, настойчивые, достигавшие большого размаха, расшатали и подточили до основания рабовладельческое хозяйство латифундий. Неудивительно, что столь успешны были германские завоевания и что Рим оказался бессильным им сопротивляться. «Не-римляне, т. е. все «варвары», объединились... и с громом опрокинули Рим»³. Обе эти силы, определившие свержение рабовладельческого общества и создание новых форм общественных отношений, несомненно действовали и на востоке империи. Но в восточной части империи были свои особенности, которые наложили отпечаток на процесс разложения старых и возникновения новых отношений внутри этого общества.

¹ И. Стalin. Вопросы ленинизма, стр. 561. 11-е изд.

² Там же, стр. 412.

³ Там же, стр. 432.

Большое число городов с ремесленным населением и оживлённый торговый обмен отличали восточные области империи от западных. Здесь рабовладельческое общество знало широкий обмен, способствовавший развитию товарно-денежных отношений, хотя в основе своей хозяйство было натуральным и в восточных областях империи.

В аграрных отношениях также были свои особенности. Население, занятное сельскохозяйственным трудом, не представляло собою однородной массы. Законодательством, частновладельческими актами и юридическими документами засвидетельствовано большое число рабов и колонов, трудившихся на полях, в виноградниках и садах. Среди них большой удельный вес следует признать за колонами.

Наиболее благоприятные условия были у свободных колонов, *colonī liberī*, которые юридически были ближе к свободному состоянию, пользовались правом перехода и имели личную собственность.

Большая часть земледельческого населения находилась, однако, в положении приписных колонов; состояние последних определялось термином *adscriptīliūs* или *eparographos*, т. е. приписанный или записанный за владельцем, на земле которого он сидит. Приписной колон не имел права покинуть свой участок. Вместе с землёй, которую он обрабатывал, он учитывался государством и таким путём попадал в цensовый список для исчисления податей, который составлялся на имя землевладельца. Участок приписного колона числился за собственником, а сам колон становился в положение, близкое рабу, занятому земледельческим трудом, т. е. к положению, занимаемому земледельческими рабами, *servī rustici*¹.

К числу рабов принадлежали и так называемые *originarii* — уроженцы, г. е. потомственные рабы, родившиеся рабами и наследственно сидевшие на данном участке земли владельца. В положении раба и колона было мало различия. «Ибо как понимать разницу между положением рабов и приписных, так как и те, и другие находятся во власти своего господина, который может раба с его скарбом выгнать, а приписного прогнать со своей господской земли»². На положении колона в значительной мере оказывалась и вся жестокость традиций рабовладения, так как раба «может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину»³, чего феодал не мог сделать с крепостным.

Государство всячески старалось привязать земледельца к участку, с тем чтобы было обеспечено поступление податей. Аренду, длившуюся срочно 30 лет, закон Анастасия (ум. 518 г.) делал обязательной для обеих сторон. Колон не мог оставить своего участка, как земледелец не мог отказаться ему в этой аренде. Независимый или полузаинтересованный человек, связанный лишь арендой, на основании этого закона терял свободу передвижения, прикреплялся к тягле⁴.

Следует отметить и другое явление — наличие в V и VI вв. париков, сидящих на монастырской, церковной или епископской земле. Термин «парик» хорошо известен в более поздних документах и монастырских актах; для этого раннего времени он встречается в сирийских хрониках, как сирийский эквивалент термина «парик», «присельник» (таутбе от корня *иتب*, «сидеть»)⁵. В число париков попадали самые бедные из непосредственных производителей, обычно не имевшие ни инвентаря, ни скота для обработки земли.

В азиатских и африканских провинциях империи, однако, существовали селения, объединявшие в общины свободных крестьян, не связанных с каким-либо собственником. Во главе таких селений стояли старосты, или «старцы», которые ведали сбором податей, учётом и распределением

¹ Кодекс Юстиниана, XI, 48, 7; XI, 53, I.

² Там же, XI, 48, 21.

³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр 119

⁴ Кодекс Юстиниана XI, 48, 23, § 1

⁵ Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI веков, стр 39, 47 Л 1940

лением повинностей, представляли своё селение перед властями. У общин были поля и пастбища, которыми владели сообща, как об этом указывает Сирийский законник, памятник доюстиниановского права¹. О соседских общинах, объединявших свободных крестьян, имеются сведения в агиологической литературе, в папирологических памятниках.

Таким образом, население, занятное сельскохозяйственным трудом, не было однородным. Различия в состоянии непосредственных производителей на земле в провинциях ранней Византии несомненно существовали. Государство воздействовало на различные категории непосредственных производителей, стремясь прикрепить крестьян к земле и сохранить их в непосредственной зависимости от себя, по возможности препятствуя патронату.

Несмотря на приуженное и бессправное положение крестьянства весьма частыми явлениями были восстания и волнения. Податной гнёт особенно усилился в царствование Юстиниана, аграрное законодательство которого носило реакционный характер. Один из ближайших его преемников, Тиверий, был вынужден снять не только недоимки, но и четвёртую часть ежегодной подати. Невыносимой тяжестью ложились на плечи крестьянства стихийные бедствия — недород, засуха, налёты саранчи, голод. Эпидемии и повальные болезни добивали население. Чума в VI в. несколько раз посетила области Передней Азии, доходила до самого Константино-поля, смерть косила целые области².

Экономический гнёт и юридическое бессправие рождали возмущение и протест, которые выливались в форму всевозможных ересей и религиозных толков. Так, в Египте и в Сирии укоренилось монофизитство как особое «восточное» вероисповедание. Оно удовлетворяло в этих провинциях сепаратистским тенденциям, которые были свойственны верхам, как светским, так и духовным.

Положение непосредственных производителей на земле было настолько тяжёлым, что многие бросали свои насажденные места, становились «беглыми» и пополняли ряды «бродяг», «нищих», «разбойников», людей, вышедших из рамок обычных и тяжких условий социального гнёта. При всей своей приниженности доведённое до крайности население решалось на активный протест и восстания. Поднявшиеся рабы и колоны приводили в расстройство целые провинции; таково было восстание самарян в Палестине в начале VI в. и восстание крестьян, «разбойников» и «бродяг» в Египте в начале VII века. Рабы и колоны были основной движущей силой этих восстаний, и не подлежит сомнению, что это было одним из проявлений той революции рабов, которая разрушила рабовладельческую систему.

Как часть революции рабов, отменившей рабовладельческий строй, следует рассматривать в восточной части империи и движение демов³. Наличие больших городов с ремесленным и торговым населением имело исключительное значение в судьбе Византии. Энгельс писал, что «уцелевшие остатки» торговли⁴ сохранились в восточной части Римской империи в то время, когда её западная часть была погребена под обломками рушившейся рабовладельческой системы. Экономически более сильная благодаря развитию товарно-денежных отношений и широким торговым связям, Восточная империя могла с большим успехом противостоять разрушительной силе распадения рабовладельческой системы. Египет поставлял хлеб, ткани, папирус; Сирия — изделия ткацких мастерских, цветное стекло, изделия из металла; Малая Азия — ковры, шерстяные ткани, сельско-

¹ Н. Пигуловская. Указ соч., стр. 36—40.

² Михаил Сириец. История (сирийский текст), стр. 387.

³ См. Н. Пигуловская. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков, стр. 125—127, 129. Л. 1946; её же. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке. «Вестник Ленинградского университета» № 4 за 1948 год, стр. 72.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. ч. I-я, стр. 125.

хозяйственные продукты¹. Эти товары были предметом потребления не только местного населения, но вывозились и далеко за пределы этих областей. Хотя и здесь преобладало натуральное хозяйство, но обмен различными товарами создавал несравненно более живой хозяйственный оборот, чем в западных областях.

Население городов имело в своём составе торговцев, ремесленников и лиц, не имевших никакой специальности или квалификации. Последние несли тяжёлый труд, их нанимали за гроши, подённо, и они «стояли на торжище», ожидая, что их позовут на работу. Условия труда были невыносимо тяжёлыми, оплата труда задерживалась, а иногда и вовсе не производилась. При расплате подёнщиков обсчитывали². Работодатели всячески злоупотребляли преимуществами своего экономического и привилегиями правового положения, применяя все те способы понуждения и контроля, которые существовали в обращении с рабами. Что касается торговцев и ремесленников, то они входили в корпорации, деятельность которых регламентировалась и контролировалась епархом, эгемоном или судьёй города. Вследствие финансовых затруднений, вызванных рядом причин — активная внешняя политика, многочисленные сооружения, строительство дворцов, роскошь двора, — финансовая политика середины VI в. была направлена на то, чтобы всеми возможными средствами добиться увеличения поступлений податей, налогов, пошлин; отсюда вмешательство и регламентация торговли и ремесла.

Городское население, зарабатывавшее свой хлеб разными видами ремесла, занятое физическим трудом, облагалось государственным налогом. В некоторых провинциях можно отметить ещё в VI в. взимание подушной или поголовной подати, сохранившейся от римского времени. Она была отменена в крупнейших центрах, а затем и вообще снята с городского населения. Особенно много жалоб вызывала денежная подать, известная как хрисаргир — «золото-серебряная» (выплачиваемая деньгами, золотом или серебром). Хрисаргиrom облагалось всякое ремесло, всякая торговля, его взимали с единственной собственности перевозчика грузов — осла, его платили блудницы. Всю тяготу этой подати живо описал историк VI в. Евагрий, показавший также и восторг, который охватил городское население, когда ненавистный налог был снят³. Об этом сообщают и сирийские источники, устанавливая точную дату его уничтожения — 498 г., — после чего были введены новые налоги⁴.

Одной из форм закабаления населения являлось запрещение менять профессию; например, по закону 317 г., монетарии (чеканящие монеты) не имели права оставлять «своё звание»⁵. Государственные и царские мастерские (металлообрабатывающие, оружейные, ткацкие), а таких было немало, обслуживались трудом рабов. За укрывательство беглых рабов (*manscipia*), занятых в государственных ткацких мастерских, текстильных и в гицекеях, были назначены большие денежные штрафы⁶.

Работавшие в мастерских металлических изделий или переплавлявшие руду (*fabricensis*) на случай бегства должны были быть заклеймены; им выжигали на руках «государственные буквы», или «стигматы», как это делали и рекрутам⁷.

Стремление к собственному обогащению императора, а иногда и правителей областей приводило к тому, что они использовали всякие воз-

¹ «Полное описание мира». Анонимный трактат IV в. н. э. Латинский текст изд. *Geographi graeci minores*, ed. C. Müller T. II, стр. 520—523. Париж. 1861

² «Хроника Захарии Митиленского». Сирийский текст. Т. II, стр. 36—37. *Corpus scriptorum chr. Orientalium. Scriptores Syri*.

³ Евагрий. История, книга 3, глава 39.

⁴ «Сирийская хроника Иешу Стилита», § 31. Русский перевод Н. Пигулевской. Месопотамия на рубеже V и VI веков. стр 140.

⁵ Кодекс Юстиниана, XI, 8. I.

⁶ Там же, XI, 8, 6.

⁷ Там же, XI, 9, 3.

можности, чтобы обогатиться куплей и продажей каких-нибудь товаров. Следствием спекуляций и принудительных мер было разорение ремесленников и мелких торговцев. Примером этому служит обработка и торговля шёлком, о чём сообщает Прокопий в «Тайной истории»¹.

Тяжёлое обложение городских низов множеством обязанностей, изнуряющее недоедание, сменявшиеся голодом, многочисленные повинности, наконец, пстой солдат не раз нарушили общественное равновесие и приводили в волнение города. Одно из таких восстаний имело место в Эдессе, где тяжелейшая повинность — пстой солдат — так ожесточила население, что ремесленники восстали, требуя вывода войск, которых не снимали с границы ввиду незакончившихся переговоров о мире с Ираном в 505 году. Недовольство городского населения своим тяжёлым положением чадило выход в движениях, которые окончательно расшагали старые основы империи. Города империи сложились в рабовладельческую эпоху; в соответствии с этим сложилась в прошлом и внутренняя структура города, как самоуправляющегося полиса, в котором пашла себе место городская организация демов (или димов).

Византийские города, особенно Константинополь и древние столицы эллинистических государств — Александрия, Антиохия, Афины, Коринф, Эдесса, — жили традициями эллинистических городов, которым остался верен и римский провинциальный город. Вся структура города, его план с главной улицей, делением на кварталы, расселением в соответствии с занятиями и ремеслом, связь прихода со своим храмом, а потом с церковью находились в неразрывной связи с их историческим наследием. Памятники материальной культуры в ещё большей степени связывали прошлое с настоящим. В управлении города, в его общественных учреждениях была сильна эта традиция. Роль префекта пристория, чиновников фиска, традиции жизни города с его рынком, шумными площадями и улицами, управляемыми ночным епархом, — всё это уходило в античное прошлое городов. С этой традицией тесно связываются и зрелица, цирк и ристалище, столь прославленные в Риме. Демы связаны с тем же рабовладельческим городом, возникли в его условиях. Они стали служить отдушиной для требований городских масс. Протест, неудовольствие, с которыми эти массы обращались ещё в Риме к императору, проявлялись обычно на этих зрелицах, в цирках. Этим правом пользовались те римские граждане, которые, составляя городскую массу свободных, но малоимущих, считали себя хозяевами Рима и требовали хлеба и зрелиц.

Основой хозяйственной мощи сильного сенаторского сословия были обширные латифундии, обрабатывавшиеся рабами. Эта экономическая база была расшатана восстаниями рабов и нападениями варваров. Одной из причин упорных попыток Диоклетиана перенести столицу из Рима была необходимость порвать с ним.

Рабовладельческий Рим должен был остаться в стороне: слишком высоко поднимались в нём волны восстаний рабов, слишком близко подходили к его стенам варвары, слишком требовательны были его аристократы — сенаторы. Но новый Рим, Константинополь, оказался во власти тех же явлений рабовладельческого мира, хотя и несколько модифицированных. Цирковые ристания в византийских городах, собирающие огромные массы народа, как и прежде, были даром этому народу. Демы родились в рабовладельческом городе, продолжая играть роль организаций свободного народа, демоса, свободных граждан города. Но в соответствии со сдвигами, происходившими во внутренней жизни империи, в соответствии с кризисом всей рабовладельческой системы эксплуатации и не входившие в состав организации демов низшие слои населения, как городские массы, так и пригородные колоны и арендаторы, примыкали к демам и участвовали в их движении.

¹ Прокопий. Тайная история, гл. 25.

Вопросу о демах уделено место во многих исследованиях византинистов, однако, по существу, он оставался неразрешённым¹. Известно, что демы были организацией городского населения, группы которого возглавлялись старшинами, демархами; своим центром они считали престорий и по всем важнейшим делам были подчинены епарху города². Часть демов была вооружена, принимала участие в обороне города в наиболее острые моменты, когда столице угрожала опасность извне. Вооружённая часть демов именовалась демотами.

Различные группы населения отличались припятыми цветами, что было связано с цирковыми играми, — на ипподроме места распределялись по цветам. Среди них главное место принадлежало двум группам или партиям: голубым (венетам) и зелёным (прасинам). Голубой цвет объединял высшие слои общества, аристократию, населявшую старые кварталы города. Так как это были крупные землевладельцы, то на их загородных виллах, в их имениях было большое число сельского населения, колонов, приписных, слуг, составлявших зависевшие от них и тяготевшие к ним группы.

Зелёные объединяли кварталы, населённые торговцами, ремесленниками, моряками, преимущественно новую часть города. И здесь верхи демов составляли состоятельные, богатые слои общества. Но к зелёным примыкали и более бедные городские слои, как мелкие ремесленники, выполнявшие всякого рода неквалифицированный труд грузчики, возчики, носильщики, работавшие в доках, матросы.

Высшие, руководящие слои демов придерживались различных направлений в политических и религиозных взглядах. Голубые были более консервативны, привержены православию, и поэтому голубой цвет часто становился императорским цветом. Зелёные были склонны к монофизитству и были более прогрессивны. Но если эти различия и существовали, то в движении демов они не могли иметь решающего значения. Нельзя свести классовую борьбу, потрясшую Ближний Восток на рубеже VI и VII вв., к столкновению «политических партий», к спорам прасинов и венетов. Признавая различные политические интересы у верхов этих групп, необходимо, однако, освободиться от модернизирующего взгляда буржуазных историков и рассматривать это движение в целом как борьбу масс за своё освобождение на определённом этапе развития классового общества, на этапе разложения рабовладельческой формации.

Политические и религиозные различия между голубыми и зелёными преимущественно касались верхов этих демов, между которыми существовала борьба за влияние, за свои интересы и, в известные политические моменты, за влияние при дворе.

Если деление на голубых и зелёных можно условно представить как вертикальное, то насколько больше внимания следует уделить горизонтальному делению внутри дема, делению на знатную верхушку голубых или зелёных, с которой массы, входившие в состав демов или просто сопутствовавшие им, имели мало общего. Моряки, рабочие доков, грузчики, мелкие торговцы и ремесленники, арендаторы, колоны и приписные пригородных имений, наконец, бродячий, нищий, без определённых занятий люд составляли те массы городского населения, которые если и распределялись по цветам, то могли и не входить в организацию демов. В период восстания, в острые минуты, они сплачивались, составляя нечто единое, и вступали в борьбу с правительством. Нельзя оставлять без

¹ А. П. Дьяконов («Византийский сборник»), пытаясь рассмотреть вопрос о демах, архаизировал все явления, связанные с ними, и не учёл ни классовой борьбы внутри дема, ни значения социального движения переломного периода. См. также М. В. Левченко («Византийский временик» за 1947 год).

² Хроника Иоанна Никиусского, стр. 490. Париж. 1883. Изд. Зотенберга. Эфиопский текст и перевод.

внимания тот факт, что внутри отдельных демов существовал социальный антагонизм, противоположность интересов между богатой и знатной верхушкой и народными низами. В острые моменты классовой борьбы эксплуатируемые объединялись без различия партий или цветов, прасины и венеты начинали действовать совместно, поддерживая друг друга в выступлениях против правительства. Поводом для выступлений были недовольство дорогоизной продуктов питания и отсутствием хлеба, требование сменить чиновника, недовольство спархом. Примеров отдельных выступлений и совместных действий прасинов и венетов можно привести очень много, об этом убедительно говорят источники¹. Детальный анализ этих сообщений показал, насколько мощным и сильным было движение при взаимной поддержке низов демов, их общих действиях². Эти массы в составе своём имели и рабов и лиц, положение которых мало чем отличалось от положения рабов. Государственные мастерские обслуживались преимущественно рабами, рабы работали в гинекеях, ткацких царских мастерских, они же были и хлебопёками.

При углублённом рассмотрении источников становится совершенно очевидным, что голубой и зелёный цвета имели значение лишь для верхушки общества, имевших известные политические интересы и соответствующую религиозную ориентацию. По существу же, в переломный период, с конца V по начало VII в., когда в городах волна за волной проходили восстания и мятежи, движения демов были отдушиной, одной из форм, в которую выливалась борьба за «отмену» рабовладельческой формации. Революция рабов получила в этот период широкую поддержку городских масс, нищего и голодного люда, пригородных колонов и приписных. Рабы, несшие гягостный труд в царских мастерских и эргастериях богачей, рабы, трудившиеся на полях имений аристократии и сенаторов, объединились с «потенциальными рабами», низами городского и сельского населения.

Восстания, охватившие империю в конце VI и начале VII в., были очередной, но решительной схваткой с рабовладельческой системой, трещины в которой обнаружились более чем за два столетия раньше. С конца V в. восстания и вспышки народного гнева участились, а навстречу им, сливааясь с ними, поднимались волны брожения армии, все учащавшиеся «солдатские бунты».

В меткой характеристике Ф. И. Успенского, данной им итогам царствования Юстиниана, сказано следующее: «Византийское государство, для расширения и возвеличения коего он употребил столько стараний и целость которого он старался закрепить громадными жертвами, духовными и материальными, находилось при смерти Юстиниана в отчаянном положении, близком к разрушению и банкротству. Самой слабой стороной системы Юстиниана были финансы. Огромные налоги, ужасное вымогательство их сберщиками, расточительность двора и хронический недостаток в деньгах, для добывания коих всяческие средства казались допустимыми; подкуп варваров денежными выдачами и уступка им императорских земель; жестокая эксплуатация народного имущества; конфискация частных земель за проступки по делам веры и по доносам многочисленной армии шпионов — вся эта система держала в опиленении население империи и, казалось, готова была задушить всякое проявление свободных идей»³.

Характеристика эта верна и зиждется на превосходном знании источников, но она не указывает главной причины негодности системы

¹ Хроника Малалы, стр. 393—395, 398, 401, 406—408, 410—411, 417, 422, 474, 476, 483, 484, 488, 491—492, 493, Хроника Феофана, стр. 164—165, 185, 225, 226—227, 235—236, 237, 243, 249, 293, Хроника Иоанна Никиусского, стр. 529—530, 531—533.

² Н. Пигулевская. Византия и Иран, стр. 136—159. Ленинград. 1946

³ Ф. Успенский. История Византийской империи Т. I, стр. 608. Спб. 1914.

Юстиниана — глубокой реакционности политики Юстиниана, которая в своём исходном моменте базировалась на отжившей системе эксплуатации, имевшей дело с рабами и колонами. Отсюда — беспомощность финансовой, военной и всей прочей политики VI века.

Попытки ближайших преемников Юстиниана установить «упадок», «распадение» империи оказались бесплодными. Объясняется это тем, что процесс разложения рабовладельческой системы шёл ускоренными темпами, движимый активностью порабощённых городских и деревенских масс, интенсивностью варварских завоеваний.

Чтобы должным образом оценить «новые элементы в истории, которым свойственно особое наименование... византизма», необходимо было определить значение народных движений этого времени. Если для Ф. И. Успенского остался «загадочным» вопрос об участии демов в них, то он остался таковым и для других буржуазных исследователей; он мог быть разрешён лишь на основе марксистско-ленинского учения об историческом процессе. Рим расшатала революция рабов. На Востоке рабовладение не приняло таких чудовищных форм, как на Западе, так как этому препятствовал целый ряд причин, в том числе сохранившееся ремесло и «узелевые остатки» торговли¹. Рабовладельческие формы эксплуатации и переходная их форма, колонат, перестали и здесь соответствовать росту производительных сил, тормозили их и властно требовали изменений. Как ни скучны сведения источников, но они сообщают о движении сельского населения в Египте, Палестине, Антиохии в конце VI и начале VII века. Вооружённое восстание «людей из Айкелаха» возбудило «всю провинцию Египет». Восставшие, имея оружие, мечи, коней, захватили лодки и суда, доставлявшие хлеб в Александрию, овладели поступлениями в фиск, угрожая префекту. Правительство Маврикия казнями и репрессиями «навело порядок»². Ещё более характерно восстание в Ахмиме (Египет), где эфиопы-рабы и разбойники объединились вокруг некоего Азарии. Против них были выставлены нубийские войска, но «эти рабы и варвары» спаслись на высокой и крутой горе, где погибли от голода и холода, но не сдались³.

Большие городские центры также проявили величайшую активность, которая шла навстречу и сливалась с повторными восстаниями армий. Движение демов было вызвано репрессиями правительства и его борьбой с остатками городского самоуправления, выражало недовольство разных слоёв общества этими притеснениями. Массы приходили в движение в связи с экономическими стеснениями — недостатком продуктов, хлеба, что неоднократно жестоко отзывалось на жизни города. К восставшему как городскому, так и сельскому населению всегда присоединялись нищие, бродяги, разбойники, беглые, которые во множестве бродили по провинциям и городам Византии.

Нельзя не напомнить, что в ряде случаев — в покушении на Анастасия и во время волнений при Юстиниане — источниками упоминаются рабы, как принимавшие активное участие во всех этих действиях. Рабы фигурируют в сообщении Иоанна Никиусского о восстаниях в Египте. Наконец, знаменателен заговор аргиропратов (567), несомненно имевших корни в среде вольноотпущенников и рабов, из которых они выходили.

Все эти проявления недовольства народных масс, их активность говорят о глубоком кризисе государства, который мог быть разрешён только революционным переворотом. В таком аспекте становится понятным движение демов: оно приобретает новое значение — это была одна из форм «революционного свержения старых производственных отношений и утверждения новых»⁴. Революция рабов была той силой, которая при-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1 я, стр. 125.

² «Хроника Иоанна Никиусского», стр. 529—532.

³ Там же, стр. 533.

⁴ «История ВКП(б) Краткий курс», стр. 125.

вела в движение широкие круги населения, составлявшие, по словам И. В. Сталина, потенциальных рабов рабовладельческого государства.

В Византии может быть указана одна особенность социальной борьбы, игравшая существенную роль. Еретические, с точки зрения официальной, господствующей церкви, учения получали особенно широкое распространение в провинциях, где они часто становились лозунгом сепаратизма. В то же время за них хватались, как за идеологию, которая была враждебна господствующему учению, принятому и поддерживавшемуся центральным правительством. Монофизитство и его разнообразные истолкования, находившиеся в противоречии с православием, становились исповеданием оппозиционных групп. В борьбе голубых и зелёных последние, занимавшие в большинстве случаев более крайние позиции, придерживались монофизитства. Монофизитство быстро и прочно завоевало именно те провинции, которые отпали от Византии и без особого сопротивления отошли временно под власть персов, а затем были возвращены Византии и снова захвачены арабами.

В классовой борьбе монофизитство, как знамя сепаратизма, как гонимое учение, привлекало на свою сторону массы, и источники указывают на целый ряд случаев, когда движение демов сливалось с движениями, направленными против господствовавшей церкви, т. е. сливалось с монофизитством¹.

Неоднократно поводом для волнений были осложнения экономического характера. Так, Фока обложил высокой податью население Антиохии, Лаодикии и областей Сирии и Месопотамии, чем вызвал волну восстаний.

В Египте в течение ряда лет поднимали восстания города Карбет, Сан, Баста, Балка, Санхур; они переходили из рук правительства в руки повстанцев, как это было в 609—610 годах. В то же время в Александрии поднялись демы, и венеты конфисковали имущество друга Фоки, Аристомаха. Правительственные войска, двинутые против Александрии, были разбиты, народ и монофизитское духовенство объединились в общих усилиях против правительства.

Это мощное движение, образовавшееся, как равнодействующая многих сил, многих и разных мотивов неудовольствия и волнения разных слоёв населения, в результате привело к новому смещению правительства, но глубокое значение этого движения было в том, что оно уже решительно создавало поворот к новым формам производственных отношений. Идёт ли вопрос о восстаниях демов, поднимаются ли «разбойники», «беглые» и «нищие», «мутит» ли народ монофизитский клир или рабы замышляют заговоры — всё это имеет общий корень — сплочение антирабовладельческих сил, активизацию широких масс населения, их участие в окончательном разрушении старых устоев рабовладельческого общества. В то же время «в недрах старого строя» рождались новые производственные отношения, которые должны были стать в будущем основой нового феодального строя, но происходило это «не в результате преднамеренной, сознательной деятельности людей, а стихийно, бессознательно, независимо от воли людей»².

Результаты движения были использованы крупной землевладельческой верхушкой, как светской, так и духовной, поддержавшей нового претендента на престол — Ираклия. Как представник этих слоёв, он был вынужден проводить политическую линию в их интересах.

Старые общественные отношения разлагались и другой исторической силой — завоеваниями и иммиграцией варваров. Сила эта явилась в то же время созидательной, творящей, делающей всё более интенсивными процессы феодализации. Наиболее сильно и длительно было воздействие

¹ Н. Марр. Пленение Иерусалима персами, стр 5 Слб 1903

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр 559

«северных варваров» — славян, глубоко проникавших на территории империи. Не только Балканский полуостров, но и Малая Азия, фема Опсий, на юг от Никомедии, были заселены большим числом славян. Насколько существенны для византиноведения вопросы связи и отношений со славянами, можно судить по тому, как часто эти вопросы дебатируются на страницах научных органов; им отдало дань большинство русских и советских византинистов. Появились не только статьи общего сводного характера, но были введены новые материалы, даны углублённые исследования.

Значение славянских поселений и влияние их общинного строя на законодательные нормы Византии отмечал ещё акад. Ф. И. Успенский, который считал, что новые отношения возникли в связи с «этнографическим переворотом, произведённым славянской иммиграцией, которая в VII в. может считаться вполне завершённой». Поэтому и законодательство исаврийской династии VII в. «Земледельческий или крестьянский закон представляет собою первый опыт согласования славянского права с греко-латинскими нормами». Наиболее важным фактом этого времени, по мнению Ф. И. Успенского, следует считать наличие сельской общины. Славяне были носителями новых форм отношений, которые меняли характер эксплоатации, смягчая его по сравнению с формами рабства и колоната. Нарождение отношений феодального типа в Византии глубоко связано с этими явлениями, как это доказано советскими работами¹.

Империя подвергалась, однако, нападениям и других народов, имевших менее развитые формы общественных отношений. Таковы были гуннские и тюркские племена, с которыми Византия сталкивалась на северо-востоке. Особенно длительны были сношения Византии с арабскими племенами, которые, как и славяне, были поселенцами на её территории. Сирийские источники об арабских племенах помогли советскому исследователю определить уровень общественных отношений у северных арабских племён и определить их, как находящиеся на высших ступенях варварства. Группы племён, как Гасаниды, племена Кинди, вступали в ближайшие сношения с Византией, делались её федератами, то оберегая её границы, то изменяя ей и соединяя свои силы с кочевыми племенами своих собратьев и сородичей. Эти арабские племена, находившиеся под протекторатом империи, расшагивали, в свою очередь, обветшалое здание рабовладельческого государства².

Следствием такого взаимодействия и многовековых столкновений было то, что на Востоке, как и на Западе, завоевание «варваров» было встречено населением как приход «избавителей» (Энгельс) и часть территорий отошла от империи арабам. Несомненно, что арабы наряду с обращением военнопленных в рабов допускали для непосредственных производителей на земле и более мягкие формы эксплоатации по сравнению с теми формами, которые господствовали в империи, и это сыграло важную роль в тяготении восточных областей империи к подчинению арабам.

Так молодые силы славян и арабов, вливаясь в империю, способствовали развитию новых отношений и других форм эксплоатации.

В тяжёлых схватках классовой борьбы начала VII в. рабовладельческая система в Византии была «отменена». История этого переходного времени, трудности которого усугублялись наступлением персидских полчищ, картина политической, дипломатической и военной истории нашла своё объяснение в свете разрешения проблемы общественных отношений.

¹ Е. Липшиц. Славянская община и её роль в формировании византийского феодализма. «Византийский вчеменик». Т. I за 1947 год, стр. 144—146

² Н. Пигулевская. Арабы VI в. по сирийским источникам. Труды 2-й сессии арабистов, стр. 52—60. Л. 1941.

Попытка освободиться от персов оказалась ещё успешной, но сопротивление арабам было империи уже не под силу; она уступила их бурному натиску. Из обломков Византии в первой половине VII в. вставало новое общество. Значительно сократившаяся площадь дала возможность новой империи быстрее консолидировать силы. Укреплять и строить государство надо было на новой основе производственных отношений, в которых наличие рабовладельческого уклада не было значительным. Не нашлось места в новой империи и пережиткам городского самоуправления старого античного города, в котором такую большую роль играли демы: их роль была сыграна, возвращаться к ней было уже невозможно. Ставшаяся на основе других форм отношений Византия была уже своеобразным раннефеодальным государством, «уцелевшие остатки» торговли и наличие свободных крестьянских общин придавали ей ту устойчивость, благодаря которой она продолжала существовать.

Так гениальная концепция И. В. Сталина о революционном свержении рабовладельческой формации, о революции рабов открыла возможность единственно правильного понимания тех явлений в истории восточных областей империи, которые оставались «загадочными» для буржуазных историков. Революция рабов на грани VI и VII вв. разгромила рабовладельческую систему эксплоатации в Византийской империи, но это привело лишь к тому, что «сменялась одна форма эксплоатации трудящихся другой формой эксплоатации», «эксплоататоры и угнетатели оставались»¹.

¹ И. Стalin. Вопросы ленинизма, стр. 412.